ТОЛЬКО на ЛИТРЕС

Памела Трэверс

Мэри Поппинс

с вишневой улицы

Художник Г. Калиновский

Мэри Поппинс

Памела Трэверс

Мэри Поппинс с Вишневой улицы

«Росмэн»

1934

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4Вел)

Трэверс П. Л.

Мэри Поппинс с Вишневой улицы / П. Л. Трэверс — «Росмэн», 1934 — (Мэри Поппинс)

ISBN 978-5-353-09445-6

Знаменитая сказочная повесть английской писательницы П. Л. Трэверс о необыкновенной няне Мэри Поппинс, которая появляется неизвестно откуда вместе с восточным ветром и исчезает, когда ей заблагорассудится. Ее любят дети во всех странах мира. И неудивительно! Ведь она понимает язык зверей и птиц, знает, как клеят на небо звезды, и может даже взлететь под потолок.
В этом издании произведение представлено в полном переводе Марины Дмитриевны Литвиновой. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-353-09445-6

© Трэверс П. Л., 1934
© Росмэн, 1934

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 23
Глава 4 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Памела Линдон Трэверс
Мэри Поппинс с Вишневой улицы

Pamela Lyndon Travers
Mary Poppins

© The Trustees of the P. L. Travers Discretionary Will Trust, 1934
This edition published by arrangements with David Nigham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency

© Литвинова М., перевод, 2020
© Калиновский Г., наследники, иллюстрации, 2020
© ООО «РОСМЭН», 2020

Глава 1
Восточный ветер

Хотите попасть на Вишневую улицу? Это совсем просто. Подойдите к полицейскому на перекрестке. Он слегка сдвинет на один бок каску, сосредоточенно почешет в затылке, вытянет вперед белый, затянутый в перчатку палец и скажет:

– Сначала поверните направо, потом налево, еще раз направо – и вы на Вишневой. Всего доброго!

Идите, как сказал полицейский, и окажетесь на Вишневой улице, дома на ней стоят на одной стороне, на другой – парк, а вишни растут как раз посередине.

Вы, конечно, будете искать дом № 17, ведь эта история про него, и вы сразу его найдете. Во-первых, это самый маленький дом на Вишневой, во-вторых, он самый старый и обшарпанный. Дело в том, что мистер Банкс, который живет в этом доме, в свое время спросил миссис Банкс, чего она хочет – новый, красивый, дорогой дом или четверых детей? Того и другого он позволить себе не может.

Миссис Банкс хорошенько подумала и решила, что предпочитает четверых детей. Так и появились на свет сначала один за другим Джейн и Майкл, а затем близнецы – Джон с Барбарой. Вот почему семья Банксов жила на Вишневой улице в доме № 17. Стряпала для семьи миссис Брилл, на стол накрывала Эллен, а Робертсон Эй подстригал газон, чистил ножи и обувь – словом, по выражению мистера Банкса, швырял на ветер свое время и его деньги.

И еще с ними жила нянька Кейт, которую вряд ли стоит и упоминать, ведь к самому началу этой истории она успела уже расстаться с домом № 17.

– Ушла без предупреждения. Объявила об уходе и в тот же день ушла. Что же нам теперь делать? – сокрушалась миссис Банкс.

– Как что? – сказал мистер Банкс, надевая туфли. – Дай объявление в газету. Хорошо бы и Робертсон Эй ушел без предупреждения. Он опять почистил один ботинок. Согласись, вид у меня сегодня слегка кособокий.

– Экая важность! Ты не ответил, что нам делать с няней Кейт.

– Праздный вопрос, ведь Кейт-то уже нет, – возразил мистер Банкс. – Будь я на твоем месте, я бы не терял времени и поместил в «Монинг-пейпер» объявление: «Джейн, Майклу, Джону и Барбаре Банкс (не говоря уже об их маме) требуется самая лучшая в мире няня за самую скромную плату, и причем немедленно». За калиткой тут же вырастет очередь лучших в мире нянь. Запрудят всю улицу, перекроют движение, мне придется заплатить полицейскому миллион, и я очень рассержусь. Ну, мне пора! Фью-у, холодно, как на Северном полюсе. Восточный ветер, что ли, подул?

С этими словами мистер Банкс высунулся из окна и посмотрел в конец улицы, где стоял дом Адмирала Бума. Это был самый великолепный дом на Вишневой. Вишневая очень им гордилась – ведь это был по виду настоящий корабль. За оградой торчал флагшток, на котором развевался флаг, а на крыше вертелся золоченый флюгер в виде подзорной трубы.

– Так и есть! – воскликнул мистер Банкс, поспешно закрывая окно. – Флюгер Адмирала показывает восточный ветер. Не зря у меня с утра ломит кости. Надену, пожалуй, второе пальто.

Он рассеянно чмокнул в нос жену, помахал рукой детям и отправился в Сити.

В Сити мистер Банкс ходил каждый день, кроме, разумеется, воскресений и праздников. Он сидел там на высоком стуле за маленькой конторкой и делал деньги. Весь день он вырезывал пенни и шиллинги, кроны и трехпенсовики. И приносил их домой в маленьком черном чемоданчике. Иногда он давал детям монетки, а они бросали их в копилки. Но случалось, что монеток не было, и он говорил: «Банк на ремонте» – и все понимали, что в тот день он вырезал совсем мало денег.

Ушел мистер Банкс со своим чемоданчиком в Сити, а миссис Банкс отправилась в гостиную и стала писать письма в газеты, просила срочно прислать ей нянь и как можно больше; а Майкл и Джейн сидели наверху в детской и смотрели в окно, ожидая, когда появятся няни. Они-то были рады, что нянька Кейт ушла. Она им совсем не нравилась – старая, толстая и пахла «перловым отваром», которым она любила лечиться. Новая няня наверняка будет лучше Кейт хотя бы немножко.

За окном быстро смеркалось, над парком небо стало совсем темным. Миссис Брилл с Эллен принесли в детскую ужин, вымыли близнецов. Поев, Джейн с Майклом опять сели у окна, дожидаясь, когда из Сити вернется мистер Банкс, и слушали, как завывает в голых ветках вишен восточный ветер. Деревья гнулись, раскачивались, казалось, даже прыгали, точно хотели вырвать из земли свои корни.

– Идет, идет! – Майкл показал пальцем на какую-то фигуру, тяжело ударившуюся о калитку.

Джейн всмотрелась в густевшую темноту.

– Это не он, – сказала Джейн. – Это кто-то совсем другой.

Незнакомую фигуру гнуло и даже подбрасывало напором ветра; дети разглядели, что это женщина; ей кое-как удалось открыть задвижку, хотя в одной руке у нее была большая сумка, а другой она то и дело придерживала шляпу. Женщина вошла в калитку, и тут произошла странная вещь: очередной порыв ветра подхватил незнакомку и перенес по воздуху к самому крыльцу. Похоже было, что ветер донес сначала женщину до калитки, подождал, пока она откроет ее, опять подхватил и бросил у самого крыльца вместе с сумкой и зонтиком. Стук раздался такой, что затрясся весь дом.

– Вот здорово! Настоящее волшебство! – сказал Майкл.

– Пойдем посмотрим, кто это! – позвала Джейн; взяв брата за руку, она оттащила его от окна и повела на лестницу. Отсюда с верхней ступеньки было хорошо видно, что делается в прихожей.

Скоро из гостиной вышла мама в сопровождении незнакомой гостьи. У нее были блестящие черные волосы.

– Как у куклы-голландочки, – прошептала Джейн.

И еще она была худая, с большими руками и ногами и крошечными голубыми глазками, которые, казалось, буравят тебя насквозь.

– Вы увидите, это замечательные дети, – говорила миссис Банкс.

Майкл толкнул острым локтем Джейн.

– С ними нет никаких забот, – убеждала гостью миссис Банкс, как будто сама не верила своим словам.

Гостья фыркнула: она, наверное, тоже не поверила.

– Я хотела бы только еще спросить о рекомендательных письмах…

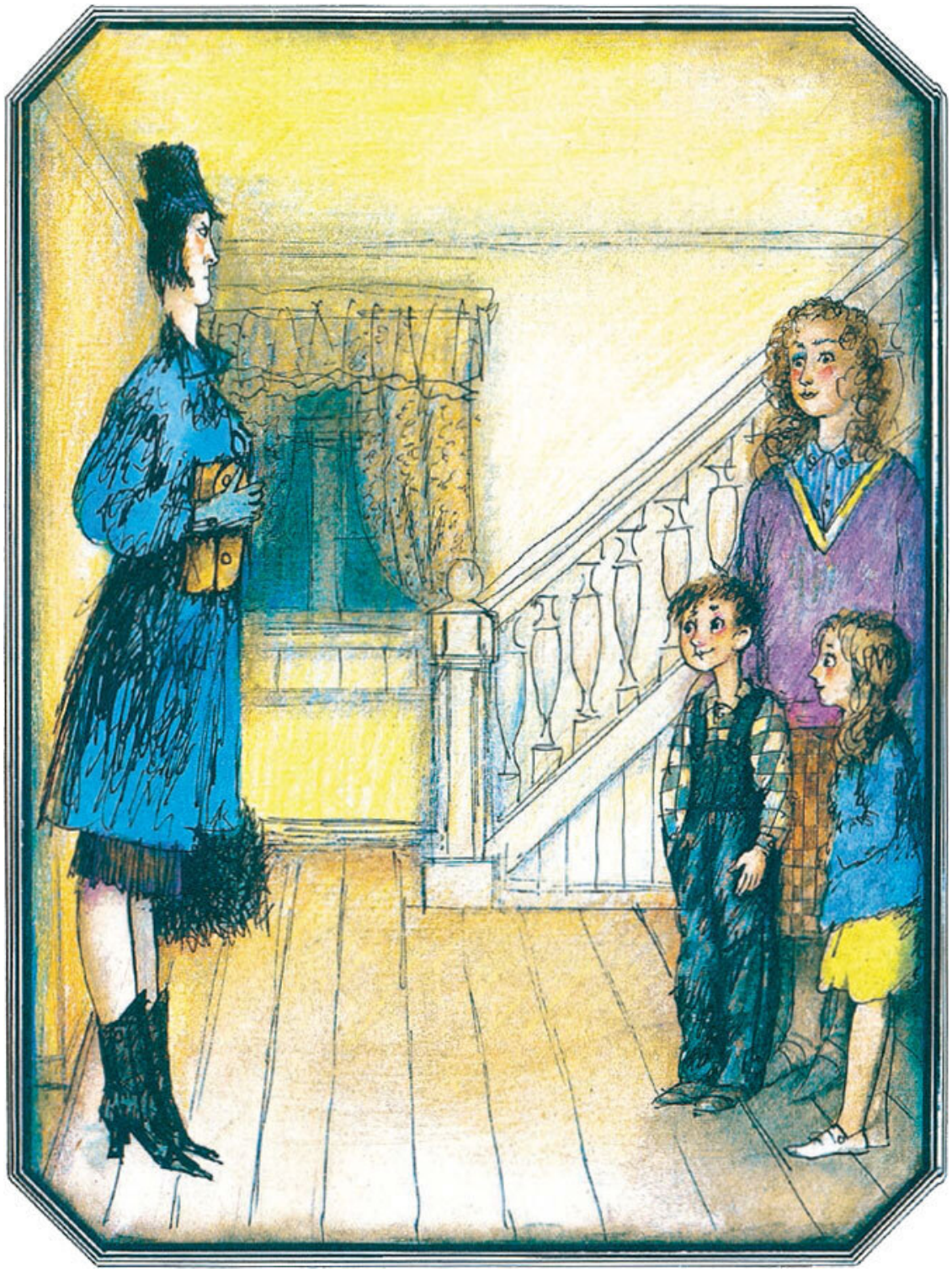
– Не в моих правилах запасаться рекомендательными письмами, – твердо проговорила гостья.

Миссис Банкс бросила на нее растерянный взгляд.

– Но я думала… обычное дело… – запинаясь, проговорила она. – Я хочу сказать, мне казалось, так все поступают.

– Старомодный обычай – эти рекомендательные письма. Прямо-таки допотопный.

А надо сказать, что миссис Банкс больше всего на свете боялась выглядеть старомодной.



– Да, да, конечно, – поспешно согласилась она. – Не будем о них больше. Я ведь почему завела разговор… э-э… а вдруг вам требуются рекомендательные письма… Детская у нас наверху.

И она повела незнакомку к лестнице, ни на секунду не умолкая. Может, потому она и не заметила, что происходит у нее за спиной. Но Джейн с Майклом хорошо видели сверху, что делала гостья, шедшая следом за миссис Банкс.

Прижав к груди свою огромную сумку, она уселась на перила и в один миг очутилась на верхней площадке. Такого уж точно никто никогда не делал. Вниз – пожалуйста. Джейн

с Майклом сколько раз съезжали вниз по перилам. Но вверх – никогда. И они, вытаращив глаза, смотрели на гостью.

– Ну, стало быть, договорились. – Из груди у мамы вырвался вздох облегчения.

– Договорились, если все здесь будет по мне, – сказала гостья, вытирая нос большим, в красно-белую клетку носовым платком.

– Что случилось? – Миссис Банкс вдруг заметила детей. – Что вы здесь делаете? Это Мэри Поппинс, ваша новая няня. Джейн, Майкл, поздоровайтесь. А там наши двойняшки. – Мама показала на комнату, где в кроватках лежали Джон и Барбара.

Мэри Поппинс переводила буравящий взгляд с Джейн на Майкла и обратно, словно прикидывала, по душе они ей или нет.

– Ну что, подходим? – спросил Майкл.

– Майкл, как ты себя ведешь! – рассердилась мама.

Мэри Поппинс долго разглядывала детей. Затем громко, протяжно фыркнула, что, по-видимому, означало – жребий брошен. И громко сказала:

– Я остаюсь.

«Она это произнесла так, – сказала потом миссис Банкс мужу, – как будто оказала нам великую милость».

«Может, так оно и есть», – ответил мистер Банкс, на одну секунду высунув нос из-за газеты.

– А как вы сюда пришли? – спросила Джейн Мэри Поппинс. – Мне показалось, что вас принесло ветром.

– Принесло, – коротко ответила Мэри Поппинс, размотала свой шарф, сняла шляпку и повесила ее на спинку кровати.

Мэри Поппинс явно не была расположена к разговору. Она то и дело фыркала, и Джейн, подавив вздох, замолчала. Но когда Мэри Поппинс склонилась над сумкой, Майкл не выдержал.

– Какая странная сумка! – сказал он и потрогал ее пальцами.

– Ковровая, – ответила Мэри Поппинс и вставила в замок маленький ключик.

– Чтобы носить ковры?

– Сделана из ковра.

– А-а, – сказал Майкл, – понятно. – Хотя ему ничего не было понятно.

Наконец сумка была открыта, и, к удивлению Майкла и Джейн, она оказалась совсем пустой.

– Ой! В сумке ничего нет, – сказала Джейн.

– Как это нет? – Мэри Поппинс выпрямилась и сердито посмотрела на нее, как будто Джейн очень ее обидела. – Говоришь, нет?

С этими словами она вынула из сумки белый накрахмаленный фартук и повязала его поверх платья. Затем извлекла большой желтый кусок мыла, зубную щетку, пачку заколок, пузырек духов, маленький складной стульчик и коробку сладких пилюль от горла.

Джейн с Майклом не могли оторвать от нее глаз.

– Но я же сам видел, – прошептал Майкл. – Сумка была совсем пустая.

– Тсс, – зашипела Джейн, глядя, как Мэри Поппинс достает из сумки большую бутылку с надписью: «По одной чайной ложке перед сном».

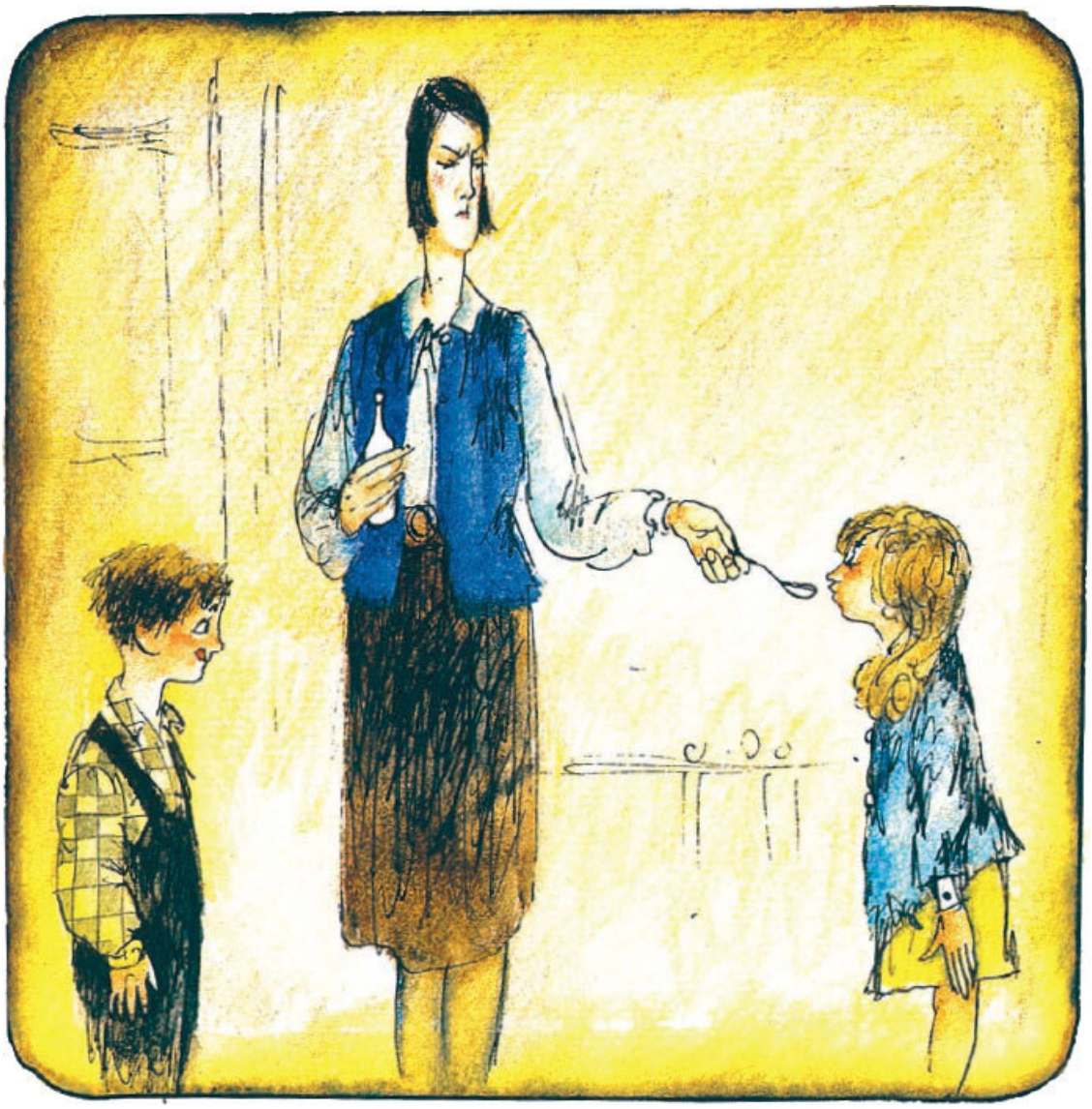
К горлышку бутылки была привязана ложка. В эту ложку Мэри Поппинс налила темно-красной жидкости.

– Это ваше лекарство? – спросил с любопытством Майкл.

– Нет, твое, – сказала Мэри Поппинс и протянула ему ложку.

– Не хочу пить эту гадость! – Майкл сморщил нос. – Не буду пить. Я не болею! – закричал он.

Но Мэри Поппинс так на него смотрела, что он понял – с Мэри Поппинс шутки плохи. Было в ней что-то необычное, пугающее и волнующее. Ложка приближалась, Майкл вздохнул, зажмурился и втянул лекарство в рот. Блаженная улыбка расплылась на его лице. Ух какая сладость! Он пошевелил во рту языком и проглотил.



– Клубничное мороженое! – воскликнул он. – Еще можно?

Но Мэри Поппинс с непроницаемым лицом уже наливала лекарство для Джейн. В ложку текла золотисто-зеленая густая жидкость. Джейн, не пререкаясь, выпила свою порцию.

– Лимонный сироп, – сказала она, облизнув с наслаждением губы.

А Мэри Поппинс уже несла бутылку малышам.

– Пожалуйста, не давайте им, – взмолилась Джейн. – Они еще очень маленькие. Им это вредно. Пожалуйста!

Но Мэри Поппинс как не слышала; взглянув на Джейн взглядом укротителя, она сунула ложку в рот Джону. Джон проглотил содержимое с большим удовольствием, несколько капель упало к нему на слюнявчик, и Джейн с Майклом увидели, что на этот раз в ложке у Мэри Поппинс было молоко. Барбара тоже получила свою порцию и дважды облизала ложку.

Пришла очередь самой Мэри Поппинс, она налила себе полную ложку и с чувством проглотила лекарство.

– Ромовый пуншик, – причмокнула она губами, заткнула бутылку и привязала к горлышку ложку.

Джейн и Майкл смотрели на нее во все глаза, чудеса на этом не кончились. Поставив бутылку на каминную доску, Мэри Поппинс повернулась к детям.

– А теперь мигом спать, – сказала она и стала раздевать их.

Нянька Кейт над каждой пуговицей, над каждым крючком долго кряхтела и охала, а у Мэри Поппинс, казалось, все само собой расстегнулось. Не прошло и минуты, как Джейн с Майклом были в своих кроватях и в неярком свете уличного фонаря смотрели, как Мэри Поппинс продолжала вынимать из бездонной сумки свои вещи. На свет божий по очереди явилось семь байковых ночных рубашек, четыре простых, пара туфель на высоких каблуках, коробка домино, две банные шапочки и альбом открыток. Кончилось все раскладушкой с одеялом и пуховой периной; Мэри Поппинс поставила ее между постельками Джона и Барбары и стала укладываться.

Джейн и Майкл сидели в своих кроватях, обняв колени, и наблюдали. Им было ясно: в доме № 17 по Вишневой улице началась новая жизнь.

Мэри Поппинс принялась натягивать через голову ночную рубашку и остановилась, когда наружу показалась ее макушка: получился как будто шалаш, и Мэри Поппинс стала в нем раздеваться. Майкл как завороженный смотрел на все ее действия.

– Мэри Поппинс! – вдруг воскликнул он. – Вы никогда, никогда не уйдете от нас?

В ответ ни звука. Майкл встревожился.

– Вы никогда не уйдете от нас? – повторил он.

Голова Мэри Поппинс появилась из выреза рубашки, глаза ее метали громы и молнии.

– Еще одно слово, – грозно возгласила она, – и я зову полицейского.

– Простите меня, я только хотел сказать, – начал робко Майкл, – мы не хотим, чтобы вы от нас уходили. – Он смущенно замолчал, щеки у него пылали.

Мэри Поппинс посмотрела на него, на Джейн, фыркнула и коротко сказала:

– Я уйду, когда переменится ветер.

Задула свечу и легла спать.

– Здорово, – сказал Майкл не то себе, не то Джейн.

Но Джейн не слышала. Она погрузилась в размышления – что же у них в доме произошло?

Так и поселилась Мэри Поппинс в доме № 17 по Вишневой улице. И хотя порой кто-нибудь из Банксов, взрослых и маленьких, вспоминал со вздохом сожаления о тихом, безмятежном правлении няньки Кейт, все, в общем, были рады, что Мэри Поппинс свалилась к ним буквально как снег на голову. Мистер Банкс радовался, что Мэри Поппинс пришла одна, не нарушив движения на улице. И полицейскому не надо платить штрафа. Миссис Банкс тоже была рада, она с гордостью рассказывала приятельницам, какая у них сверхсовременная новая няня – рекомендательные письма для нее вообще не существуют. А миссис Брилл и Эллен были просто счастливы; целыми днями сидели они на кухне и пили бессчетное количество чашек крепчайшего чая – ведь им теперь не надо было кормить весь выводок и укладывать спать. И парнишка Робертсон Эй был доволен Мэри Поппинс – у нее была всего одна пара туфель, да и ту она чистила сама.

А вот что чувствовала сама Мэри Поппинс, этого никто не знал – ведь Мэри Поппинс никогда никому не открывала своих секретов.

Глава 2
Выходной

– Каждый третий четверг, – сказала миссис Банкс, – с двух до пяти.

Мэри Поппинс сверлила ее суровым взглядом.

– В хороших домах, мадам, – веско произнесла она, – выходной бывает каждый второй четверг с часу до шести. Таково мое условие, иначе я… – Мэри Поппинс многозначительно замолчала, и миссис Банкс поняла: если не согласиться, Мэри Поппинс от них уйдет.

– Ну что же, пусть будет каждый второй, – кивнула она, подумав при этом: «Досадно, что Мэри Поппинс до таких тонкостей знает жизнь в хороших домах».

И вот Мэри Поппинс натянула белые перчатки и сунула под мышку зонтик: дождя не было, но у зонтика такая замечательная ручка, что просто нельзя оставлять его дома. И вы бы не оставили, будь у вас на зонтике вместо ручки голова попугая. Кроме того, Мэри Поппинс была весьма суетная особа и любила выглядеть самым эффектным образом. Впрочем, она не сомневалась, что всегда именно так и выглядит.

Джейн помахала ей вслед из окна детской.

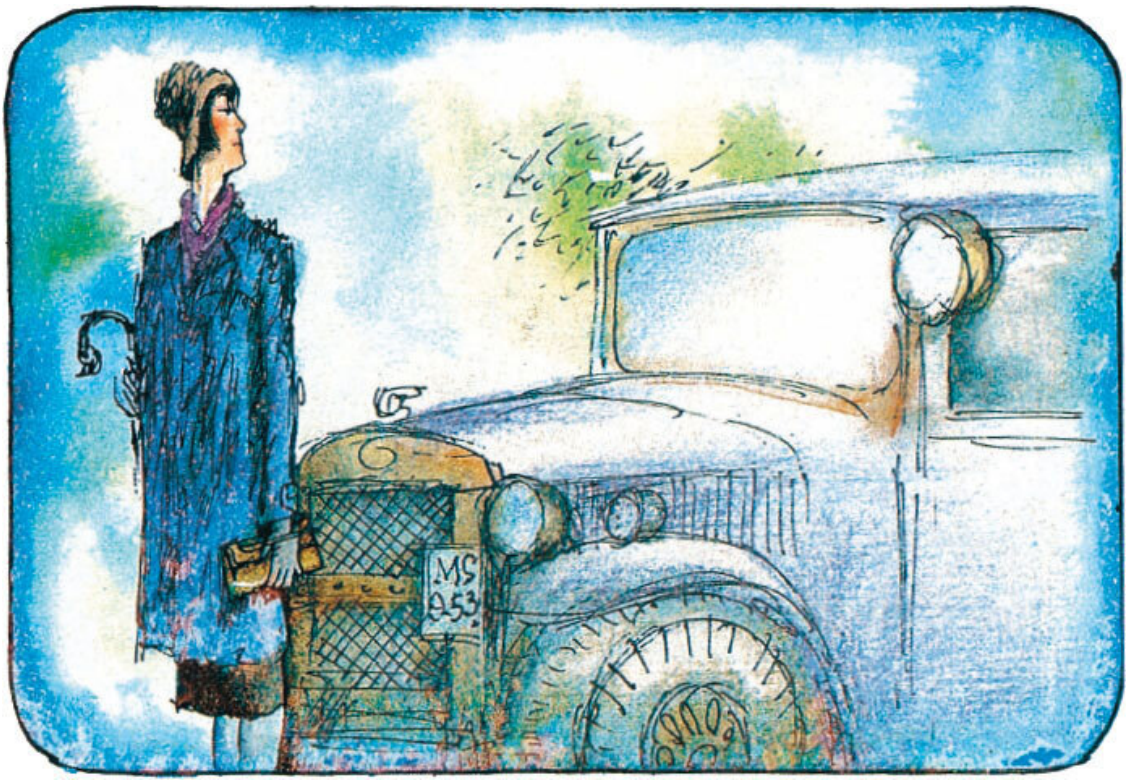
– Куда вы идете? – спросила она.

– Пожалуйста, закрой окно, – строго сказала Мэри Поппинс, и голова Джейн тотчас исчезла.

Мэри Поппинс вышла за калитку и, очутившись на улице, чуть не побежала, точно боялась не угнаться за уходящим днем.

На углу она свернула направо, затем налево, гордо кивнула полицейскому, который в ответ похвалил погоду, и только тут почувствовала, что выходной день начался.

Она остановилась у автомобиля, в котором никого не было, погляделась в ветровое стекло, поправила шляпку, разгладила платье и покрепче прижала локтем зонтик, убедившись, что его ручка, а точнее, голова попугая видна всей улице. Мэри Поппинс сегодня предстояло свидание со Спичечником.



У Спичечника было две профессии. Во-первых, он торговал на улице спичками, как все обычные спичечники, но еще он рисовал на тротуаре. Чем он в данную минуту занимался, зависело от погоды. Если на улице шел дождь, он продавал спички – какие уж тут картины! Если же светило солнце, он весь день ползал на коленях по асфальту, рисуя цветными мелками свои дивные картины. Он рисовал их стремительно: пока вы шли от перекрестка до перекрестка, он успевал покрыть созданиями своей фантазии обе стороны улицы.

В тот день было холодно, но ясно, и Спичечник рисовал. Он как раз заканчивал два банана, яблоко и королеву Елизавету, завершая ею целую галерею картин, когда Мэри Поппинс подкралась к нему сзади на цыпочках.

– Эй! – тихо окликнула она Спичечника.

Он ничего не видел и не слышал, он только что пустил по бананам коричневые точки и теперь тем же мелком выписывал кудряшки королевы Елизаветы.

– Кхе, – кашлянула Мэри Поппинс, как умеют кашлять только истинные леди.

Спичечник вздрогнул, поднял голову и увидел ее.

– Мэри! – воскликнул он, и по его голосу вы сразу бы поняли, что Мэри Поппинс играет в его жизни очень важную роль.

Мэри Поппинс потупилась и мыском туфли дважды провела по асфальту. Потом улыбнулась мыску, но улыбка была такая, что мысок с огорчением признал – эта улыбка явно предназначена не ему.

– Сегодня мой день, Берт, – сказала Мэри. – День отдыха. Ты разве не помнишь?

Спичечника звали Бертом. По воскресеньям же его величали Герберт Альфред.

– Конечно помню, Мэри! – воскликнул он. – Только видишь что… – Он замолчал и грустно посмотрел в свой картуз, лежавший на тротуаре рядом с последней картиной: в нем поблескивал всего один двухпенсовик.

– Это все, что у тебя есть, Берт? – сказала Мэри Поппинс, и голос у нее был такой веселый, что Берт никогда бы не догадался, что и ей грустно.

– Да, все, – отозвался Берт. – Выручка сегодня совсем плохая. Посмотри, ведь, казалось бы, как не раскошелиться, узрев такую прелесть! – И он кивнул на королеву Елизавету. – Так-то вот, Мэри, – вздохнул он. – Боюсь, что сегодня я не смогу угостить тебя чаем.

Мэри Поппинс вспомнила про пончики с малиновым вареньем, которыми угощалась каждый выходной, и чуть было не вздохнула, но вовремя спохватилась, увидев лицо Спичечника. И ловко обратила вздох в лучезарную улыбку.

– Это ничего, Берт, – сказала она. – Не расстраивайся. Я и не хотела пить чай. Что за удовольствие распивать чаи! Пустая трата времени.

Согласитесь, Мэри Поппинс повела себя очень благородно – ведь она так любила пончики с малиновым вареньем!

Спичечник тоже так подумал, он взял ее обтянутую белой перчаткой руку в свою, крепко пожал. И они вместе стали рассматривать чудесные цветные картинки.

– Сейчас я тебе покажу такую прелесть! Ты еще не видела, – с гордостью сказал он, подводя ее к горе: вершину горы одевал снег, а склоны были усеяны огромными розами, на которых сидели зеленые кузнечики.

На этот раз из груди Мэри Поппинс вырвался вздох, который нисколько не мог огорчить ее друга.

– О, Берт! – прошептала Мэри. – Восхитительно!

Этим словом Мэри Поппинс хотела сказать, что картина Берта достойна висеть в Королевской Академии (и Берт понял ее) – такой большой комнате, где люди выставляют свои картины. Кто хочет, может прийти и любоваться; на них долго смотрят, долго-долго, и вдруг кто-нибудь говорит: «Ах, боже, как похоже!»

Спичечник подвел Мэри к следующей картине, еще более прекрасной. Это был пейзаж: деревья, трава, а в глубине – синее пятнышко моря.

– Боже мой! – воскликнула Мэри Поппинс, наклонившись, чтобы лучше рассмотреть, но тут же выпрямилась: – Что с тобой, Берт?

Спичечник взял ее за вторую руку, вид у него был необычайно взволнованный.

– Мэри, мне пришла в голову такая мысль! Почему бы нам не войти туда, в эту картину, прямо сейчас, сию минуту? А, Мэри? – И, держа ее за руки, он потянул ее с этой улицы, подальше от чугунной ограды и фонарных столбов.

Ах! Вот они уже там, в самом центре картины. Как здесь было зелено, как покойно, какая нежная травка была под их ногами! Нет, это невозможно! Почему невозможно? Зеленые ветки, шурша, касаются их шляп, а вокруг их ног водят хороводы яркие, как радуга, цветы. Мэри с Бертом поглядели друг на друга – а сами-то они как изменились! На Спичечнике был совершенно новый костюм – в зеленую и красную полоску сюртук и белые панталоны, а голову его венчала новехонькая соломенная шляпа. И весь он сиял, как новый шестипенсовик.

– Ах, Берт, какой ты красивый! – восхитилась Мэри.

Берт на миг онемел, он и сам не мог отвести глаз от Мэри. Наконец он перевел дух и воскликнул:

– Как здорово!

И больше ни слова не прибавил. Но смотрел он с таким восторгом, что Мэри достала из сумки зеркальце и глянула в него.

Она тоже изменилась. Плечи ее окутывала прелестная шелковая пелерина в ярких узорах, шею нежно щекотало длинное страусовое перо, ниспадавшее с полей шляпы. Ее самые лучшие туфли исчезли, вместо них – туфельки неописуемой красоты с блестящими пряжками в бриллиантах. На руках были те же белые перчатки, под мышкой – бесценный зонтик.

– Бог мой! – воскликнула Мэри Поппинс. – Вот уж действительно выходной день!

Любуясь друг другом и собой, они двинулись вглубь рощи и скоро вышли на залитую солнцем поляну. И, представьте, на зеленом столе их ожидал послеобеденный чай!

Вокруг стола – зеленые стулья, посреди него – гора пончиков чуть не до неба, а рядом большой медный чайник. Но самое прекрасное – две тарелки с креветками и, конечно, две вилки – не руками же их есть.

– Ущипните меня! – сказала Мэри Поппинс: ее любимое восклицание, когда она очень довольна.

– Как здорово! – подхватил Спичечник. Это было его любимое восклицание.

– Садитесь, пожалуйста, мадам! – послышался чей-то голос.

Друзья обернулись и увидели высокого мужчину, выходящего из рощи в черном смокинге и с белоснежной салфеткой, перекинутой через руку.

Мэри Поппинс так изумилась, что у нее подогнулись колени и она не села, а упала на зеленый стул с таким шумом, точно хлопнула хлопушка. Спичечник, тараща глаза, плюхнулся напротив.

– Я официант, как вы, надеюсь, догадываетесь, – проговорил человек в черном смокинге.

– Да, но на картине вас не было, – сказала Мэри Поппинс.

– Я стоял за деревом, и вы меня не заметили, – объяснил человек в черном смокинге.

– Садитесь, пожалуйста, – вежливо предложила ему Мэри Поппинс.

– Мне не положено, – ответил официант, но приглашение ему явно понравилось. – Ваши креветки, мистер, – сказал он, придвигая тарелку Спичечнику. – И вилка. – Обмахнув вилку салфеткой, он протянул ее гостю.

И Мэри с Бертом приступили к послеобеденному чаю.

А официант стоял рядом, предупреждая каждое их желание.

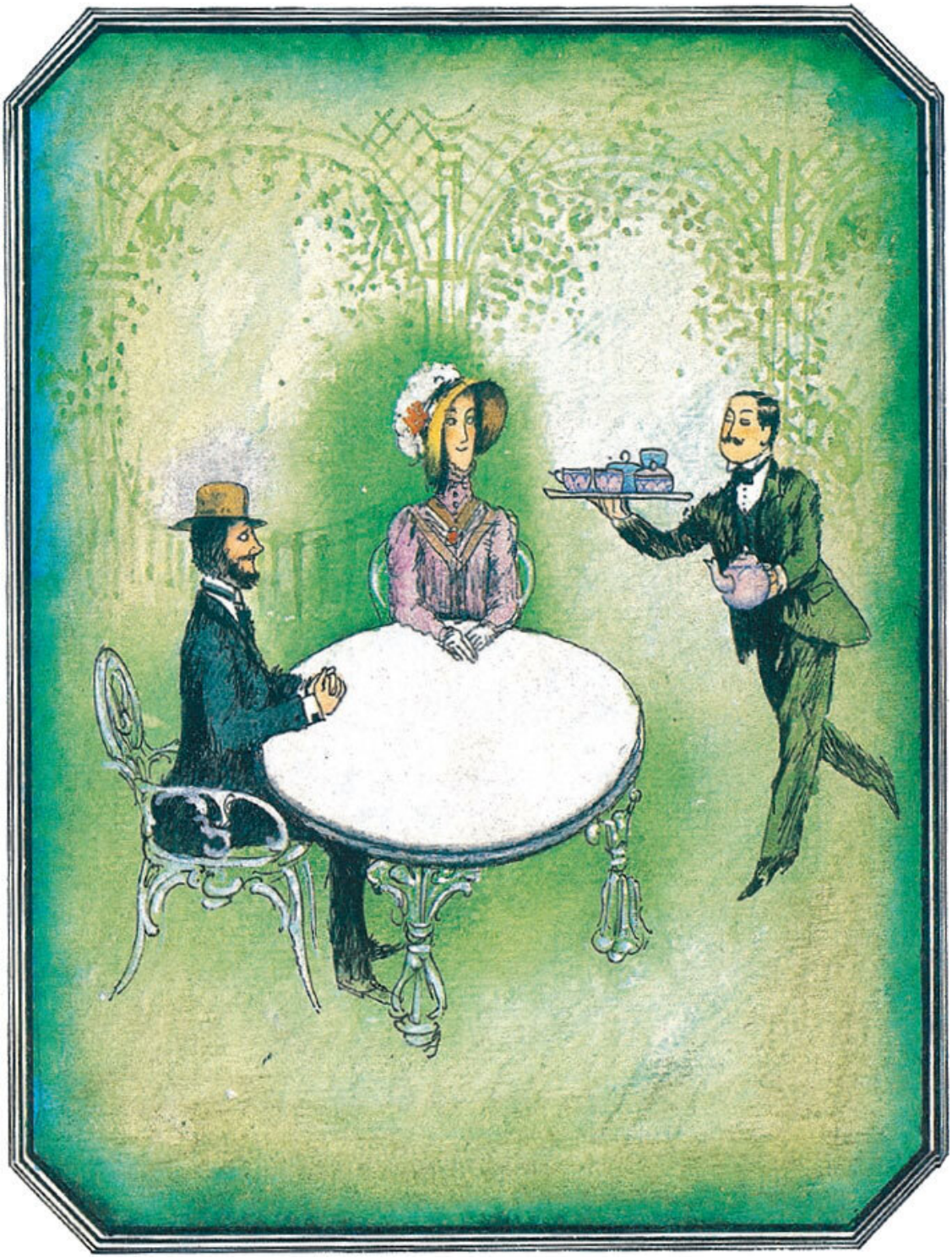
– Все-таки мы полакомимся сегодня пончиками с малиновым вареньем, – сказала Мэри Поппинс, протянув руку к горе пончиков.

– Как здорово! – воскликнул Спичечник и взял сразу два самых больших.

– Чай наливать? – спросил официант и, не дожидаясь ответа, налил две полные чашки душистого чая.

Мэри с Бертом выпили по две чашки и уплели всю гору пончиков. Затем встали из-за стола и стряхнули со скатерти крошки.

– Платить не надо, – сказал официант, прежде чем они успели попросить счет. – Сегодня ваш праздник. Там – карусель. – И он махнул рукой в сторону лужайки.



Мэри с Бертом взглянули туда – и правда, вокруг расписного столба кружили деревянные лошадки.

– Все-таки странно, – сказала Мэри Поппинс. – Ведь и их не было на картинке.

– Хм… – Спичечник тоже не помнил карусели. – Они, наверное, были на заднем плане.

Подошли к каруселям, которые тотчас замедлили ход. Мэри Поппинс прыгнула на спину вороного коня, Спичечник на серого. Заиграла музыка, и они поскакали – куда бы вы думали? – конечно, в Ярмут – ведь они очень давно хотели посмотреть этот город. Дорога неблизкая, и вернулись они, когда стало уже темнеть.

– К моему величайшему сожалению, – учтиво сказал официант, – мы закрываемся в семь. Таковы правила. Вы дорогу обратно помните? Хотите, я провожу вас?

Гости кивнули, официант изящно взмахнул салфеткой и повел их из леса.

– Ах, какую чудесную картину ты нарисовал сегодня! – сказала Мэри, закутавшись в пелерину и взяв Берта под руку.

– Я очень старался, Мэри, – скромно потупясь, отвечал Берт. Но вид его говорил, что он очень, очень горд собой.

Перед большой белой дверью, точно нарисованной мелом, официант остановился.

– Вот мы и пришли. Выход здесь, – сказал он.

– До свидания и большое спасибо, – пожала ему руку Мэри Поппинс.

– До свидания, мадам. – И официант поклонился низко-низко, так что стукнулся лбом о колени.

Потом он кивнул головой Спичечнику, который, склонив голову набок, прищурил один глаз – такая уж у него была манера прощаться. Мэри тем временем переступила порог, за ней следом вышел в белую дверь Спичечник.

И сразу же все опять переменилось: страусовое перо упало со шляпки Мэри, шелковая пелерина соскочила с плеч, бриллианты с туфель исчезли. Яркие краски на костюме Спичечника поблекли, соломенная шляпа превратилась в старый, потрепанный картуз. Мэри Поппинс посмотрела на него и сразу поняла, что случилось – они вернулись на ту самую улицу, к той самой ограде. Они стояли на тротуаре. Мэри посмотрела на нарисованную мелом рощу, ища официанта. Но на картине никого не было. Все в ней было мертво и неподвижно. Карусели и те исчезли. Остались только деревья, трава и синее пятнышко моря.

Но Мэри Поппинс и Спичечник глядели друг на друга и улыбались. Они-то знали, что прячется там, в глубине рощи за деревьями.

Когда Мэри вернулась вечером домой, Джейн с Майклом кинулись ей навстречу.

– Где вы были? – наперебой закричали дети.

– В Сказочной стране.

– А Золушку там видели?

– Золушку? Я? – презрительно сказала Мэри Поппинс. – Вот еще, Золушку!

– А Робинзона Крузо? – спросил Майкл.

– Робинзона Крузо? Еще чего не хватало!

– Какая же это Сказочная страна! Ни Золушки, ни Робинзона Крузо. У нас Сказочная страна не такая.

Мэри Поппинс фыркнула.

– Эх вы, даже не знаете, что у каждого своя Сказочная страна, – посмотрела она с жалостью на детей.

И, еще раз фыркнув, пошла наверх – снять белые перчатки и убрать свой замечательный зонтик.

Глава 3
Смехотворный газ

– А вы уверены, что он будет дома? – спросила Джейн, когда все они – Джейн, Майкл и Мэри Поппинс – сошли с автобуса.

– Разве может мой дядюшка позволить себе такое – пригласить нас на чай и в назначенный час уйти из дома? Да кому это в голову могло прийти? – возмутилась обиженная до глубины души Мэри Поппинс.

Сегодня на ней было синее пальто с серебряными пуговицами и синяя шляпка в тон, а в те дни, когда она была так одета, она очень легко обижалась. Они шли в гости к дядюшке Мэри Поппинс – мистеру Кудри, а Джейн с Майклом так давно мечтали об этом, что теперь, естественно, тревожились: вдруг дядюшки не окажется дома.

– А почему его зовут мистер Кудри? Потому что он кудрявый? – спросил Майкл, едва поспевая за Мэри Поппинс.

– Его зовут мистер Кудри, потому что у него такая фамилия. Никаких кудрей у него нет. Он лысый, – отрезала Мэри Поппинс. – А если я услышу еще хоть один вопрос, мы сию же минуту вернемся домой. – И она, по обыкновению, неодобрительно фыркнула.

Джейн с Майклом переглянулись и насупились, что означало: «Давай больше не будем ни о чем ее спрашивать, а то ведь и правда придется идти домой».

На углу возле лавки табачника Мэри Поппинс поправила шляпку, чтобы она сидела на ней прямо. Витрина у этой лавки была очень странная: если посмотреться в нее, увидишь три своих копии, а если подольше смотреть, то скоро станет казаться, что это не ты, а целая толпа незнакомцев. Мэри Поппинс только ахнула от удовольствия, увидев трех Мэри Поппинс в синем пальто с серебряными пуговицами и синей шляпке в тон. Это зрелище показалось ей столь прекрасным, что она не прочь была увидеть десяток, нет, три десятка одинаковых Мэри. Чем больше – тем лучше.

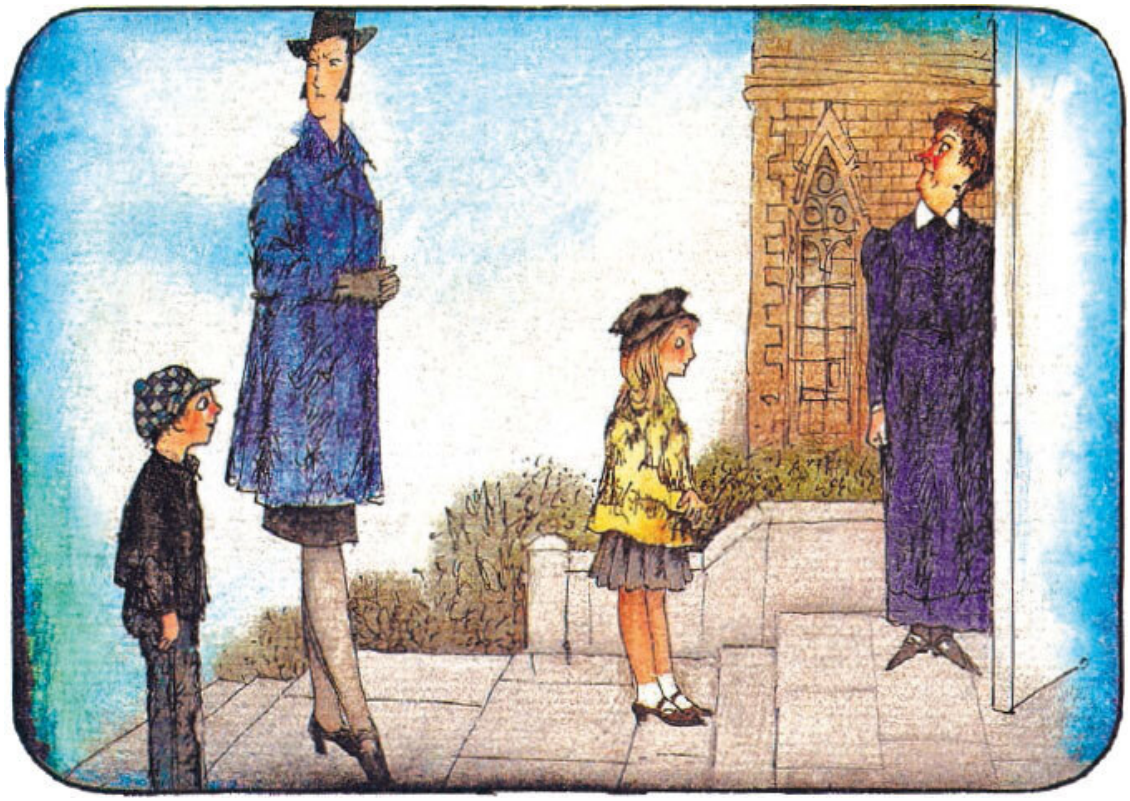
– Ну идемте же, – сказала она, как будто это Джейн с Майклом задержали ее у витрины.

Повернули за угол и дернули шнур колокольчика дома № 3 по улице Робертсон-роуд. Джейн с Майклом услыхали, как колокольчик звякнул где-то в глубине дома, и с замиранием сердца подумали, что еще минута – и они будут пить чай с дядюшкой Мэри Поппинс, мистером Кудри, первый раз в своей жизни.

– Если, конечно, он дома, – сказала Джейн Майклу шепотом.

В тот же миг дверь распахнулась, и на пороге появилась худая, тоскливого вида особа.

– Он дома? – поспешил спросить Майкл.



– Буду премного тебе обязана, – Мэри Поппинс уничтожающе посмотрела на Майкла, – если ты сделаешь такую милость, позволишь все-таки говорить мне.

– Добрый день, миссис Кудри, – вежливо проговорила Джейн.

– Миссис Кудри! – воскликнула тощая особа. – Как вы смеете называть меня миссис Кудри! Покорно благодарю! Я просто мисс Персиммон и горжусь этим. Придет же такое в голову – миссис Кудри!

Вид у нее был до того рассерженный, что дети подумали: «Хорош, должно быть, мистер Кудри, если мисс Персиммон так неприятно быть миссис Кудри».

– Наверху, на площадке, первая дверь, – сказала мисс Персиммон и, поспешно удаляясь по коридору вглубь дома, повторяла на ходу тонким, сердитым голосом: – Надо же такое придумать – миссис Кудри!

Джейн с Майклом поднялись вслед за Мэри Поппинс на второй этаж. И Мэри Поппинс постучала в первую дверь.

– Входите! Входите! – раздался за дверью громкий веселый голос.

И сердце Джейн бешено заколотилось от волнения. «Дома», – взглядом сказала она Майклу.

Мэри Поппинс отворила дверь и подтолкнула детей внутрь. Они увидели большую веселую комнату. В дальнем конце ярко пылал камин, а посередине стоял широченный стол, накрытый для чая: четыре чашки с блюдцами, гора бутербродов, хрустящие хлебцы, пирожные с кокосовым маслом и большой сливовый пирог, облитый розовой глазурью.

– Какая приятная компания! – приветствовал их громкий голос.

Джейн с Майклом оглянулись – кому мог принадлежать такой голосище? Комната явно была пуста. Во всяком случае, они никого не видели.

– Дядя Алберт! – сердито позвала Мэри Поппинс. – Опять за свое? Надеюсь, мы пришли к тебе не в день рождения?

Мэри Поппинс смотрела на потолок. Джейн с Майклом тоже задрали головы и, к своему удивлению, увидели круглого, толстого лысого человечка, который висел в воздухе, ничего не

касаясь. Он как бы даже сидел на чем-то невидимом: одна нога закинута за другую, рядом отложенная в сторону газета, должно быть, он читал, когда постучали гости.

– Дорогая моя, – сказал мистер Кудри, улыбнувшись детям и виновато взглянув на Мэри Поппинс, – к моему величайшему сожалению, так оно и есть. Сегодня у меня день рождения.

– Ай-яй-яй! – покачала головой Мэри Поппинс.

– Я только вчера вечером об этом вспомнил, но было уже поздно посылать открытку с приглашением на какой-то другой день. Такая неприятность! – воскликнул толстяк, глядя сверху на Джейн и Майкла. – Вижу, вы изрядно удивлены, – продолжал он. И в самом деле, у детей так широко раскрылись рты, что мистер Кудри, будь он чуть меньше, мог бы нечаянно упасть в один из них. – Я вам сейчас все объясню. Дело простое. Я, знаете ли, большой весельчак, мне покажи палец – я так и закачусь. Веселость моего нрава безгранична: рассмешить меня может все на свете.

И мистер Кудри заколыхался от хохота, так его развеселила собственная смешливость.

– Дядя Алберт, – строго сказала Мэри Поппинс, и мистер Кудри, поперхнувшись, перестал колыхаться.

– Прости, пожалуйста, дорогая Мэри. Так на чем я остановился? Ах да… Но самое смешное заключается в том… Хорошо, хорошо, Мэри, постараюсь сдерживаться. Самое смешное в том, что если мой день рождения попадает на пятницу, то я могу лопнуть от смеха, – сказал мистер Кудри.

– Почему? – спросила Джейн.

– Да, почему? – подхватил Майкл.

– Потому что в этот день я надуваюсь смехотворным газом. Лопаться, конечно, не лопаюсь, но вверх лечу, как воздушный шар. Я просто не могу удержаться на земле. Даже если я всего-навсего улыбаюсь, все равно так и взмываю в небо. Знаете, как смешно походить на облако? Тут уж никакая серьезная мысль в голову не полезет. – Мистер Кудри при этих словах захихикал, но, взглянув на Мэри Поппинс, проглотил смешок и продолжал: – Разумеется, это отступление от приличий, но довольно-таки приятное. С вами такого не бывало?

Джейн с Майклом замотали головами.

– Думаю, что нет. По-моему, это мое индивидуальное свойство. Помню, однажды накануне такой пятницы я ходил в цирк. Так на другой день я столько смеялся, что, верите ли, полсуток провисел под потолком. И опустился на пол только в полночь с последним ударом часов. Хлопнулся, точно пистолет выстрелил. Ведь после полуночи уже суббота, значит, день рождения кончился. Не правда ли, забавно? И вот сегодня опять пятница, снова мой день рождения. И вы с Мэри у меня в гостях. Боже мой, да не смешите меня, очень вас прошу…

И хотя Джейн с Майклом и не думали его смешить, а просто таращились на него в изумлении, мистер Кудри не выдержал и громко захохотал. Он подлетал вверх, падал, как в яму, снова подлетал, шурша газетой, которую сжимал в руке, а очки так и плясали у него на носу.

Он парил, как пузырь воздуха в кипящей воде, хватался то за газовую горелку, то за потолок, и вид у него был такой смешной, что Джейн и Майкл, хотя и старались вести себя как воспитанные дети, еле-еле удерживались, чтобы не прыснуть. Смех так и распирал их, они плотно сжимали губы, но и это не помогало. Они перестали бороться, упали на пол и катались, визжа и всхлипывая от хохота.

– Ну и ну, – сказала Мэри Поппинс, – что за манеры!

– Я… я не могу перестать, – захлебывался Майкл, ударившись о каминную решетку. – Это… это ужасно смешно. Правда, Джейн?

Джейн ничего не ответила, с ней вдруг стало твориться что-то странное: тело становилось легче, легче, будто в него вдували воздух, – удивительное и приятное чувство. Ей захотелось смеяться еще громче. Она подпрыгнула и вдруг ощутила, что летит. Майкл вытаращил глаза

– его сестра Джейн парила в воздухе. Она легонько стукнулась головой о потолок, поплыла в сторону мистера Кудри и скоро схватилась за него.

– Ого! – удивился мистер Кудри. – Неужели у тебя сегодня тоже день рождения?

Джейн отрицательно покачала головой.

– Нет? Выходит, смехотворный газ заразителен. Эй, осторожней, каминная доска!

Майкл тоже полетел, сотрясаясь от громоподобного хохота, и нечаянно задел фарфоровые статуэтки, стоявшие над камином. Еще один миг – и он опустился прямо на колено мистеру Кудри.

– С прибытием! – сказал мистер Кудри, пожав ему руку. – Это так любезно с твоей стороны. Я ведь не могу спуститься вниз. Так ты сам ко мне поднялся. Это по-джентльменски.

Тут они с Майклом посмотрели друг на друга, откинули головы и залились пуще прежнего.

– Ох, что это я! – вдруг воскликнул мистер Кудри, поглядев на Джейн. – Ты скажешь, что более невоспитанного человека в своей жизни не видала. Я давно должен был предложить юной леди сесть. Боюсь, стул не могу тебе предложить. Советую сесть прямо на воздух, увидишь, как удобно.

Джейн села, и оказалось, что сидеть на воздухе так же мягко, как в кресле. Она сняла шляпу и положила рядом. Шляпа повисла, как на вешалке.

– Прекрасно! – сказал мистер Кудри и посмотрел вниз на Мэри Поппинс.

– Ну, Мэри, мы здесь устроились. Теперь подумаем о тебе, дорогая. Должен сказать, я счастлив, что двое моих юных друзей вместе с тобой сегодня навестили меня. Ты нахмурилась? Ты, верно, не одобряешь… э… все это. – Он махнул в ее сторону рукой и быстро прибавил: – Приношу извинения, Мэри. Но ты ведь давно знаешь эту мою особенность. Поверь, я понятия не имел, что мои юные друзья окажутся столь восприимчивы к смехотворному газу. Правда не имел, Мэри. Надо было пригласить вас в какой-нибудь другой день или сразу же рассказать что-нибудь очень печальное.

– Не нахожу слов, – оскорбленно проговорила Мэри Поппинс. – Никогда в жизни не видела подобного зрелища. И это в твои-то годы, дядюшка…

– Мэри Поппинс, Мэри Поппинс, – прервал ее Майкл, – присоединяйтесь к нам. Подумайте о чем-нибудь смешном, и тут же очутитесь здесь. Увидите, это совсем просто.

– Пожалуйста, Мэри, постарайся, – попросил и мистер Кудри.

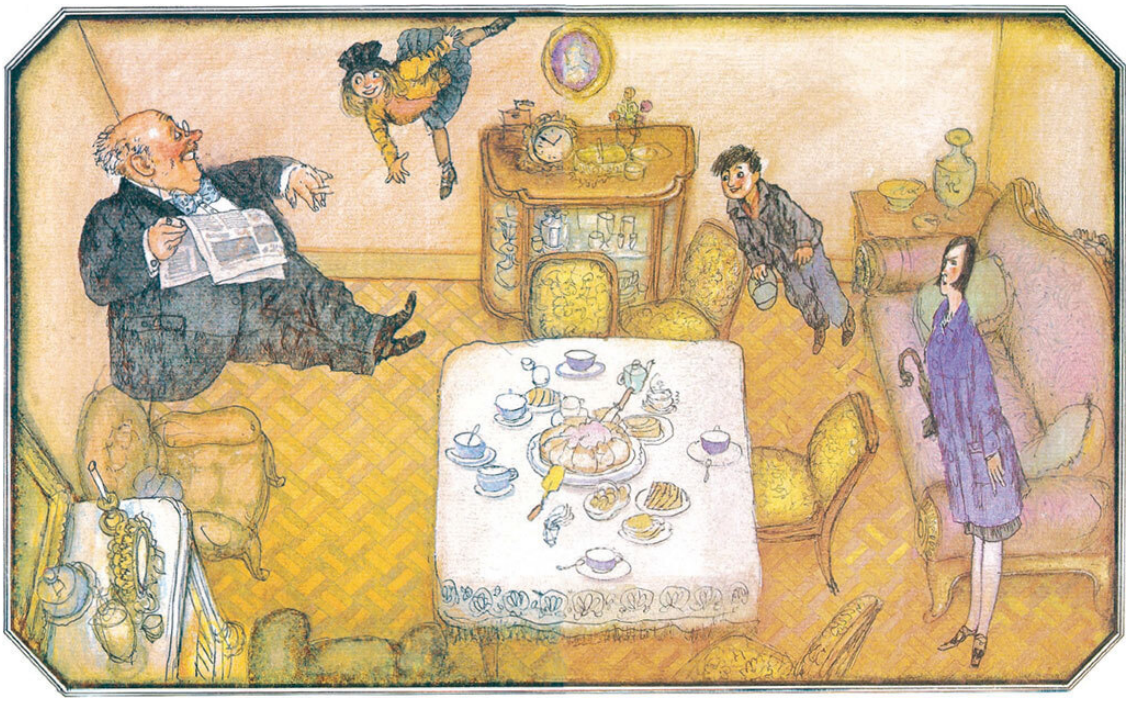
– Нам здесь так скучно без вас, – сказала Джейн и протянула к ней руки. – Ну, подумайте о смешном.

– Ей это не нужно, – вздохнул мистер Кудри. – Ей стоит захотеть, и она куда хочешь улетит. Без всякого смеха, и она это знает.

Он посмотрел на Мэри Поппинс, а она все так и стояла внизу одна на коврике перед камином.

– Ну, что ж, – решительно сказала Мэри Поппинс, – хоть это глупо и унизительно для человеческого достоинства, но раз уж вы там и, по-видимому, не в состоянии спуститься, мне ничего не остается, как присоединиться к вам.

И с этими словами, к изумлению Джейн и Майкла, она прижала руки к бокам и, не издав ни смешка, даже без тени улыбки, взлетела вверх и села на воздух рядом с Джейн.



– Сколько раз можно говорить, хотела бы я знать, – сказала она сварливо, – что, войдя в теплое помещение, нужно снимать пальто? – Она расстегнула пальто Джейн, сняла его и аккуратно положила на воздух рядом со шляпой.

– Совершенно справедливо, Мэри, совершенно справедливо, – закивал мистер Кудри, нагнулся и положил очки на каминную доску. – Ну вот, мы все четверо очень уютно устроились.

– Уют уюту рознь, – буркнула Мэри Поппинс.

– А теперь можно и чаю попить, – продолжал, как бы не слыша, мистер Кудри. И вдруг огорченно заморгал. – Боже мой! – воскликнул он. – Как ужасно! Я только сейчас сообразил – стол-то внизу, а мы здесь, под потолком. Что же теперь делать? Мы здесь – он там. Трагедия! Ужасная трагедия! Можно умереть со смеху! – Он прикрыл лицо носовым платком и громко расхохотался.

Джейн с Майклом, которым не хотелось остаться без пирожных и хрустящих хлебцев, тоже не могли удержаться и засмеялись – веселость мистера Кудри была прилипчива, как заразная болезнь.

Мистер Кудри вытер платком глаза.

– Нам может помочь только одно, – сказал он. – Надо подумать о чем-то серьезном. О чем-то очень, очень печальном. И тогда мы приземлимся. Давайте – раз, два, три!

О чем-то очень печальном!

Майкл подумал о школе: когда-нибудь и ему придется рано вставать и ходить в школу. Но почему-то сегодня эта мысль только еще сильнее рассмешила его.

А Джейн подумала о другом. «Через четырнадцать лет я стану взрослой», – пронеслось у нее в голове. Но ничего печального она в этот раз не почувствовала. Наоборот, мысль была вполне приятная. И Джейн улыбнулась, представив себя в длинной юбке и с изящным ридикюлем в руке.

– Ах, моя бедная старая тетушка Эмили! – вслух думал мистер Кудри. – Ее переехал омнибус. Печально. Невыносимо печально. Бедняжка Эмили. Но зонтик-то ее спасли. А это уже не так печально. Я бы даже сказал – это смешно…

Не успел он закрыть рот, как опять заколыхался от смеха: надо же – спасли зонтик!

– Нет, ничего не получается, – сказал он, громко сморкаясь. – Сдаюсь. Да и мои юные друзья столь же бестолковы. Может, ты, Мэри, нам поможешь? Мы так хотим чаю.

Джейн и Майкл и по сей день не находят объяснения тому, что произошло дальше. Одно несомненно: только мистер Кудри проговорил последние слова, как внизу стол зашевелился, опасно накренился и, звеня чашками, подбрасывая пирожные на тарелках, поплыл вверх и, описав плавный круг, завис в воздухе перед мистером Кудри.

– Вот молодец! – Мистер Кудри с гордостью посмотрел на Мэри Поппинс. – Я знал, Мэри, что ты хороший товарищ. Занимай место напротив и будь, пожалуйста, за хозяйку. А гости сядут слева и справа. Отлично, Майкл! – похвалил он, видя, как тот, ловко подпрыгнув, опустился с правой стороны от него. Джейн села слева. И все четверо приступили к чаепитию.

Мистер Кудри довольно улыбнулся.

– Обычно принято начинать с бутербродов, – посмотрел он на Джейн с Майклом. – Но сегодня мой день рождения. И мы начнем наоборот – со сладкого пирога! Мне такой порядок больше по душе.

И он отрезал каждому по огромному куску.

– Еще чаю? – спросил он Джейн.

Не успела она ответить, в дверь раздался резкий, частый стук.

– Войдите, – ответил мистер Кудри.

Дверь отворилась, и в комнату вошла мисс Персиммон, неся на подносе чайник с кипятком.

– Я подумала, мистер Кудри, – сказала она, удивленно оглядывая пустую комнату, – вам, наверное, нужно еще… Господи помилуй! – воскликнула она, увидев хозяина и гостей сидящими вокруг стола под потолком. – Такого я еще в жизни не видывала. Я всегда, мистер Кудри, считала вас чудаком. Но закрывала на все глаза. Ведь за квартиру вы платите исправно. Но такое странное поведение… пить чай со своими гостями в воздухе… Я, мистер Кудри, поражена. Это такая невоспитанность… для джентльмена ваших лет… Я бы никогда не смогла…

– Еще как смогли бы, мисс Персиммон! – сказал Майкл.

– Что смогла бы? – заносчиво дернула головой хозяйка.

– Заразиться смехотворным газом, как мы с Джейн.

Мисс Персиммон презрительно сощурилась.

– Надеюсь, молодой человек, – сказала она, – я достаточно уважаю себя и никогда не опущусь до того, чтобы прыгать в воздухе, как футбольный мяч. Я крепко стою ногами на земле, или я не Эйми Персиммон. И… о господи, что это… Боже мой! БОЖЕ МОЙ! Я лечу! На помощь! НА ПОМОЩЬ!

Да, мисс Эйми Персиммон, вопреки себе, оторвалась от земли и, качаясь, полетела по воздуху, как узкий длинный воздушный шар, изо всех сил жонглируя подносом. Чуть не плача от расстройства, она подлетела к столу и опустила поднос на стол.

– Большое спасибо, – спокойно и вежливо поблагодарила ее Мэри Поппинс.

Мисс Персиммон повернулась и плавно полетела вниз, шепча про себя: «Такое унижение… только подумать… такая добропорядочная, рассудительная женщина. Нет, мне необходимо повидать доктора».

Коснувшись ногами пола, она опрометью бросилась вон из комнаты, заламывая на ходу руки и ни разу не обернувшись.

– Такое унижение! – еще раз послышался ее вопль, и дверь за ней захлопнулась.

– Выходит, никакая она не Эйми Персиммон, раз она все-таки не так твердо стоит на земле, – прошептала Джейн Майклу.

А мистер Кудри глядел на Мэри Поппинс странным, слегка укоризненным взглядом.

– Мэри, Мэри, все-таки не надо было… не надо, Мэри. Бедная старуха никогда теперь не опомнится, помяни мое слово. Ну и вид же у нее был! Как она смешно летала – вперевалочку!

И тут он вместе с Джейн и Майклом опять захохотал, схватившись за бока: он вспомнил, какой смешной вид был у мисс Эйми Персиммон.

– Ради бога, – взмолился Майкл, – перестаньте меня смешить. Я больше не вынесу. Я сейчас лопну!

– Ох, ох, ох! – ловила ртом воздух Джейн, держась за сердце.

– Господи, спаси и помилуй! – рокотал мистер Кудри, вытирая глаза полой смокинга, потому что никак не мог найти носового платка.

– ПОРА ИДТИ ДОМОЙ! – прозвучал иерихонской трубой голос Мэри Поппинс, перекрывая раскаты хохота.

И тут внезапно, как от хорошей встряски, Джейн, Майкл и мистер Кудри полетели вниз. И приземлились все разом со странным стуком.

Пора идти домой – это была первая печальная мысль за весь вечер. Только она мелькнула в голове, смехотворный газ из них вышел, и они очутились на полу.

Вздохнув, Джейн с Майклом смотрели, как Мэри Поппинс медленно опускается вниз, держа в руках пальто и шляпу Джейн.

Мистер Кудри тоже вздохнул – долгим, глубоким и тяжелым вздохом.

– Какая жалость, – протрезвевшим голосом сказал он, – что вам надо идти домой. Я еще никогда в жизни так не веселился.

– И я никогда, – печально кивнул Майкл. Как скучно снова очутиться на земле и не чувствовать, как тебя уносит вверх смехотворный газ.

– И я никогда, – сказала Джейн, стоя в дверях на цыпочках и целуя сморщенные, как сухое яблоко, щеки мистера Кудри. – Никогда, никогда…

Они возвращались домой в автобусе, сидя по обе стороны от Мэри Поппинс. Они сидели притихшие, вспоминая веселый день рождения. Вдруг Майкл спросил Мэри сонным голосом:

– А ваш дядюшка часто так себя ведет?

– Как? – сурово переспросила Мэри Поппинс, как будто Майкл сказал ей что-то обидное.

– Ну, летает, смеется, кувыркается в воздухе.

– В воздухе? – Голос у Мэри Поппинс был совсем сердитый. – Что это значит – кувыркается в воздухе?

– Майкл хотел сказать, – пришла брату на помощь Джейн, – часто ли ваш дядюшка надувается смехотворным газом и плавает под потолком?

– Плавает под потолком? Что за вздор! Под потолком! Мне стыдно за вас, как можно даже предполагать такое! – Мэри Поппинс была воплощенное негодование.

– Но ведь он летал! Мы сами видели, – сказал Майкл.

– Что? Видели, как он летает под потолком? Да как вы смеете! Знайте, мой дядюшка – трезвый человек, честный, трудолюбивый. Вам следовало бы говорить о нем с большим почтением. И пожалуйста, не ешьте ваши проездные билеты. Летает под потолком! Надо же такое придумать!

Майкл и Джейн взглянули друг на друга, но больше ничего не сказали: они знали, что с Мэри Поппинс лучше не спорить, какие бы странные вещи она ни говорила.

Во взгляде, которым они обменялись, сквозил вопрос: «Но все же летал мистер Кудри под потолком или нет? Кто прав – они или Мэри Поппинс?»

Ответить на этот вопрос было некому.

Автобус ехал и ехал, бешено трясясь и подпрыгивая.

Мэри Поппинс сидела между ними обиженная, безмолвная, а дети – они ведь в тот день очень устали – скоро привалились к ней с боков и крепко уснули. Но и во сне решали они эту загадку…

Глава 4
Эндрю, принадлежавший мисс Ларк

Мисс Ларк жила в соседнем доме.

Но, прежде чем рассказывать дальше, я должна описать этот соседний дом. Это был великолепный дом, самый лучший на всей улице Вишневой. Говорят, что даже Адмирал Бум завидовал дому мисс Ларк, хотя у его собственного дома вместо обычных труб были пароходные, а во дворе стояла мачта с флагом. Много раз обитатели Вишневой улицы слышали, как Адмирал Бум, проезжая мимо дома мисс Ларк, восклицал:

– Разрази меня гром! Что ей делать с таким домом, как этот?

А причиной зависти Адмирала были двое ворот в ограде дома. Одни – для родственников и друзей мисс Ларк, а другие – для мясника, булочника и молочника.

Однажды булочник ошибся и вошел в ворота, предназначенные для родственников и друзей. Мисс Ларк так рассердилась, что решила больше не покупать у него хлеба.

В конце концов ей пришлось простить булочника, ведь он один во всей округе умел печь вкусные булочки с хрустящей завитушкой наверху. Но своего расположения она лишила его навсегда, и, входя к ней в дом, он натягивал картуз почти до самых глаз, чтобы мисс Ларк приняла его за кого-нибудь другого. Но не было случая, чтобы мисс Ларк обозналась.

Джейн с Майклом всегда знали, гуляет ли мисс Ларк у себя в саду или идет по улице: она носила так много брошек, ожерелий и серег, что ее движения сопровождались звяканьем и звоном. Точно шла не мисс Ларк, а целый оркестр. Завидев детей, она всегда говорила одно и то же:

– Доброе утро (или «добрый вечер», если дело шло к ужину)! – И прибавляла: – Как мы сегодня себя чувствуем?

Джейн с Майклом не понимали, о чьем самочувствии мисс Ларк спрашивает – их, или своем, или Эндрю.

Поначалу они отвечали только «Добрый вечер» или «Доброе утро», в зависимости от времени дня.

Весь день, где бы они ни были, они слышали громкий голос мисс Ларк.

– Эндрю, где ты? – кричала она. Или:

– Эндрю, не смей выходить на улицу без камзольчика.

Или:

– Эндрю, иди скорее к своей мамочке!

Если бы вы не знали, кто такой Эндрю, вы могли бы подумать, что это маленький мальчик. Джейн была уверена, что мисс Ларк считает Эндрю маленьким мальчиком. Но Эндрю вовсе не был мальчишкой. Эндрю был пес, маленький, с пушистой, шелковистой шерсткой. Такие собачки, пока не залают, похожи на меховую горжетку. Но зато, когда залают, уже никакого сомнения нет, что это настоящая собака. Никакая меховая горжетка не могла бы произвести столько шума.

Эндрю, надо вам сказать, вел такую роскошную жизнь, точно был переодетый персидский шах. Он спал в комнате мисс Ларк на шелковой подушке; два раза в неделю ездил в автомобиле к парикмахеру, где его мыли шампунем; каждый день пил сливки, а иногда даже завтракал устрицами; у него было четыре выходных разноцветных сюртучка в клетку и полоску. Словом, у Эндрю каждый день был праздником. На день рождения для Эндрю пекли пирог и зажигали на нем две свечи, хотя всем известно, что положено зажигать всего одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.